

УДК 130.12+316.3

OT SOCIETAS CIVILIS K COMMUNITY: ОБНАРУЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОСТИ

Ю. Ю. Бродецкая

кандидат социологических наук, доцент,

Национальная металлургическая академия Украины (г. Днепр)

Статья посвящена анализу становления онтологического статуса социальной общности, исследованию условий обнаружения и концептуализации последней в рамках социально-философской мысли Нового времени и эпохи Модерна. Формирование дискурса социальной общности в рамках политической философии демонстрирует несоответствие теоретической базы социальным реалиям, в рамках которых природа социальной общности остается неизведанным полем исследования. Фокус исследовательского анализа в связи с этим переносится на актуализацию проблемы традиционной общинной и общественной социальной общности, их потенциала, особенностей и перспективности в решении проблемы социальной целостности.

Ключевые слова: социальность, социальная целостность, общность, общество, социальные связи.

Введение

Освобождаясь от политического контекста уже в рамках социальной философии и философии истории Новейшего времени, понятие «общество» оформляется в рамках латинской лингвистической традиции в верификации двух базовых концептов: *Gesellschaft*¹ (как трансформация латинского *societas*, *societas civilis*) и *Gemeinschaft*² (в значении греческого понятия κοινωνία, латинского *community*). Пополнение семантического ряда новыми языковыми категориями соответствовало формированию качественно новых онтологических статусов социального. Теперь наряду с традиционной парой «государство (*societas civilis*) – гражданское общество», закрепляется новая парадигма «общность – общество», которая приобретает важную роль в языковом и идеологическом противостоянии (особенно в Германии XIX–XX вв.) в период становления новых социально-экономических отношений.

© Бродецкая Ю. Ю., 2016

¹ Генезис понятия *Gesellschaft* происходит от этимологически родственных древневерхнегерманским словам *sal* («пространство», «помещение»), *selida* («жилище»), средневерхнегерманскому *geselle* («обитатель того же помещения»). От этого же корня образованы средневерхнегерманские *gesellec* («приставленный», «связанный») и *gesellen* («соединять», «связывать»), а также *geselle* в значении компаньон (*companion*), то есть человек, имеющий общий интерес (как правило, экономический). Приставка *schaft* характеризует собой отношения, связи, взаимодействия [1].

² *Gemeinschaft* from German *gemeinschaft* «social relationship based on affection or kinship» (contrasted with *gesellschaft*), from *gemein* «common, general» + *schaft* – «ship»; an association or group of individuals sharing common beliefs, attitudes, and tastes; a fellowship; (sociology) a society or group characterized by a strong sense of common identity, personal relationships, and attachments to various concerns [1].

Основная часть

Детище философии Просвещения, в философских интенциях Нового времени категория *societas civilis* трансформируется в понятие *Gesellschaft*. В общем смысле последнее фиксирует некий реифицированный в языке модус отношений, действий, связей между людьми, образующий вполне определенный тип социальной организации: “*social relationship based on duty to society or an organization*”. Другими словами, речь идет о модели социальных отношений – *made up of self-serving individuals linked by impersonal ties* [1], основанной на рациональных аспектах и принципах взаимодействия: должностных обязанностях индивидуализированных индивидов, безличных социальных связях, исторически актуализированных в формализованных общественных институтах, группах, объединениях. Объективацией подобных рационализированных схем выступают экономические, торговые союзы, политические объединения, государство, предприятия, корпорации¹. Можно вполне определенно сказать, что категория *Gesellschaft* продолжает аристотелевскую традицию интерпретации политического сообщества, транслированную в правовом латинском поле в категорию *societas civilis*. Как и последнее, *Gesellschaft* характеризует вполне конкретизированные политико-правовые, а также экономические отношения, условием возникновения которых выступают связи, однако какие?

Тот факт, что категория *Gesellschaft* не охватывает все формы человеческой со-бытийности проявляет себя в закреплении и дальнейшей актуализации качественно отличного статуса социальности *κοινωνία-communitas*. Выдержав доминацию латинского варианта просветительского проекта – *societas civilis*, *κοινωνία-communitas*, находит свою дальнейшую реализацию в категории *Gemeinschaft*. Образованное от средневерхненемецкого прилагательного *gemeine* с основным значением “причитающийся многим, совместный, всеобщий”, этимология данного понятия родственна латинскому *communis* (“общий”, “совместный”), а также древневерхненемецкому *gimeinida* (“общность”). В своем буквальном значении *Gemeinschaft* воплощает в себе тот уникальный модус социальных отношений, связей, в основании которого лежат духовные аспекты связанности – чувство привязанность, родства, общие убеждения, взгляды, вкусы, сильное чувство общей идентичности, причастности, общность переживаний, формирующих уникальное состояние коллективного единства, духа народа. “Дух народа, есть то, что общно (*gemeinsam*) во внутренней деятельности всех индивидов народа (*allen Einzelnen des Volkes*) как по содержанию, так и по форме; или: *общное во внутренней деятельности всех индивидов*” [3, с. 28].

¹ Согласно словарю братьев Гримм, слово *Gesellschaft* со времен классического Средневековья и до XVIII в. обозначало отношения между *Gesellen* – членами свиты или дружины, сопровождавшими знатных людей в путешествиях, на войне и дома; кроме того, оно означало товарищество, союз, братство, корпорацию, орден (духовный либо мирской), политическую городскую и церковную общину, объединение (*Gesellung*) и социальность (*Geselligkeit*) – не в последнюю очередь в смысле общества вообще (сначала сословно разграниченного, потом открытого для буржуазии образования, но в любом случае “хорошего”) [2, с. 823].

Gemeinschaft представляет собой уникальный характер коммуникации, в котором преобладает потенциал *общего, совместного* над частным, индивидуализированным (общий язык², общая культура, общее историческое наследие, общая собственность), то есть в целом доминирует установка на целостность, а не разобщенность. Такая форма отношений сохраняет себя в семье, трудовом коллективе, религиозной и сельской общинах³. Эвристический потенциал *Gemeinschaft* – общины выходит за границы вещественного мира, фиксированного правовыми критериями должного и возможного, представляя собой все другие не связанные с вещами или конкретными целями “формы совместной жизни, со-бытия”. Так, сакральный язык христианской теологии и церкви говорит об “общности святых” или – метафорически расширяя значение слова за пределы человеческого рода – об общности людей с Богом. Но и профанный язык науки использует данное понятие, применяя его к более сплоченным группам или объединениям в человеческом общежитии, тем самым придавая ему уникальности (например, семейные и дружеские отношения, отношения между учителем и учениками в ремесле, искусстве или духовных практиках или сопринадлежностью к одной профессиональной или сословной группе, а также общностями религиозного характера). Отсюда, с лингвистической и историко-генетической точки зрения, и развивается то “в высшей степени эмфатическое значение слова “общность”, каковое оно получает смысл величайшей ценности, что и отличает его терминологически от понятия «общество»” [4, с. 356].

Таким образом, мир *Gemeinschaft* и мир *Gesellschaft* – два разных космоса, ориентированных на качественно различные цели и принципы развития и функционирования, два полярных типа социальных связей: общностная – непосредственная, эмоциональная, духовно фундированная (*Gemeinschaft*) и общественная – опосредованная формализованными институтами, рациональная, прагматичная (*Gesellschaft*). Подчеркивая данное отличие, Б. Бергер отмечает: “Сообщество – это традиция; общество – изменение. Сообщество – чувство; общество – рациональность. Сообщество – женщина; общество – мужчина. Сообщество – теплое, влажное и сокровенное; общество – холодное, сухое и формальное. Сообщество – это любовь; общество – это бизнес [5, с. 324]. Единственным объединяющим условием здесь выступают структурные элементы организаций – социальные связи и участвующие в них люди, но содержательное и функциональное наполнение – кардинально отличны.

² То есть, совместное говорение (ср. в древневерхненемецком *meinan* – “сказать”, “советаться”, ответственно говорить в “кругу” общности, то есть советовать).

³ Следует уточнить в связи с этим, что понятие “община” (*Gemeinde* – коллектив жителей деревни) выступает старинным обозначением слова “общность” (ср. например, у Лютера: “...всей общины (*gemeine*) детей Израилевых) [2, с. 843]. В своей традиционной лексической связи с “общиной”, “общность” представляет собой ассоциационные отношения между лицами на основе их общего владения имуществом. Этому соответствует также понятие “*Gemeinheit*”, сформировавшееся в древнем германском праве и употреблявшееся до XVIII в. вместо “*Gemeinschaft*” (частично тождественное “*Gemeinde*” (ср. у Шиллера: “эти привилегии общин” – “*diese Privilegien der Gemeinheiten*”)). Последнее означало неделимое общее имущество, общая собственность, сплачивающая людей на основе владения нею (“альменда”) [4, с. 342].

Становлению новых онтологических статусов социальности, сопровождающемуся изменениями в лингвистической практике, предшествуют качественные структурные изменения в состоянии европейского общества XVIII столетия⁴. Реальное общественное развитие, проходившее преимущественно в хозяйственном и политическом направлениях в качестве научно-технической революции, либерализации и демократизации абсолютных монархий, вело к преобладанию “дальних” (в терминологии Д. Юма) связей. Государственно-политической реакцией на усиление последних стал монархический абсолютизм, выработавший административные меры для организации больших общественных групп. Авторитет таких организационных принципов, как семья и община был подорван.

Очевидность формирования нового типа социальности, базирующейся на прагматичных мотивах конкуренции и личного интереса, отсутствие ценностно-нормативных скрепов стабилизации целостности социальной системы, растущая атомизация общественных отношений и открывают для мира “социальный вопрос”, наделяя его онтологическим статусом. “В мир пришел «Социальный вопрос», смягчением которого было занято следующее столетие” [6]. Данная констатация закрепляется в необходимости поиска методологических оснований для активной концептуализации проблемы. На этом фоне особенно актуальны стали исследования, посвященные анализу природы социальности, ее возможных перспектив и тенденций развития. Одной из наиболее фундаментальных работ, анализирующих оппозицию *Gemeinschaft* и *Gesellschaft*, стало исследование Ф. Тённиса “Общность и общество”, первое издание которого (1887 г.) имело недвусмысленный подзаголовок: “Рассмотрение коммунизма и социализма как эмпирических культурных форм” [6]⁵. Согласно философу, понятия “сообщество” и “общество” – диаметрально противоположенные формы человеческого общежития. Это различие, принятое в качестве аналитически-дескриптивного инструментария исследова-

⁴ До XVII–XVIII вв. в хозяйственной жизни Европы господствовало цеховое ремесленное производство на основе небольших мастерских. В XVIII в. меркантилистская политика абсолютной монархии способствовала упадку ремесленничества и развитию мануфактурного производства (прежде всего текстильной индустрии). Век машин, начавшийся во 2-й пол. XVIII в., вызвал серьезные социальные изменения Нового времени, бывшие прямым следствием именно машинного преобразования способа производства. С появлением рабочих машин, паровой машины, работающей в качестве двигателя, механизмов трансмиссии в виде волновых, канатных или ременных передач явился на свет современный индустриальный тип производства. Он сделал возможным развитие капитализма на промышленном базисе и создал новый класс – промышленных рабочих. Численность населения бурно росла, особенно гигантские масштабы имело увеличение числа жителей городов. Общая численность населения Европы за столетие (с 1750 по 1850) выросла со 140 до 260 млн чел. Первой наукой, которая в единстве с техникой была востребована экономикой, стала химия. Связь между техникой, наукой и хозяйством установилась с открытием областей магнетизма и электричества, которые во второй половине XIX в. привели в Германии к созданию электроиндустрии. Рынки разрастались не только в пределах каждого из государств, но и между ними, что привело к формированию мировой торговли [6].

⁵ Подзаголовок: “Основные понятия чистой социологии» получило второе издание работы, вышедшее в 1912 г., где речь шла именно об основных социально-философских понятиях” [6].

дования (“идеальных типов” в терминологии М. Вебера)⁶ характера человеческой социальности, базировалось по сути на юмовском различении между “ближней” и “дальней” областью человеческих отношений и ориентаций, и построена на центральной части моральной философии Д. Юма.

Понятием *Gemeinschaft* Ф. Теннис обозначает устойчивые и долговременные формы коллективной жизни, которые не учреждаются намеренно, а формируются исторически, естественно и ориентированы на достижение общих целей, общее благо всех, кто участвует в этой коллективной жизни⁷. Это сущностная воля отражающая психологическую реальность природы человека, основанием которой являются чувства – доверия, поддержки, заботы, любви. Именно последние и “запускают” активность индивида, выступая в тоже время стабильным скрепом его взаимодействий и коллективной целостности. Сущностная воля и социальные связи продуцируют общностную форму социальности (“*Gemeinschaft*”) – живой, целостный организм, изначально свойственный природе человека, где все органично и естественно. Частные интересы здесь подчинены общим. Здесь функционируют те механизмы организации совместной жизни, которые не противоречат психологической реальности индивида. Следовательно, обеспечиваются условия гармоничного сосуществования, реализующиеся в соответствующих механизмах разделения труда, господстве (ориентированном на руководство и послушание по принципу семейных отношений), внешне и внутренне ориентированном характере производственно-хозяйственной деятельности, основанной на гендерном и ментальном содержании отношений. Речь идет, прежде всего, о традиционных формах коллективной жизни (в первую очередь, о сельской общине), где базовой моделью коммуникации выступает семья. Всякая семейная структура состоит из иерархически ступенчатых позиций: отца, матери и детей. Более широкие семейные союзы объединяют родичей. Далее формируется клан, состоящий из нескольких больших семей, связанных между собой родственными отношениями, где, как правило, связь восходит к одному общему отцовскому предку.

Типичные для сообщества межчеловеческие отношения базируются на “естественной” морали⁸, общих ценностях, нормах и идеалах, здесь все связа-

⁶ Понятием “идеальный тип” М. Вебер постулирует общий методологический подход, в рамках которого моделируется идеализированная картина (в случае сообщества и общества – это межчеловеческие отношения), чтобы выделить характерные общие черты реальных действий. Всякое реальное действие, какое можно засвидетельствовать общественно-исторически, поэтому лишь приблизительно отвечает идеально-типическому описанию.

⁷ Как и многие современники, Ф. Теннис изначально апеллирует к социальной сути человеческой природы, через анализ которой и пытается раскрыть изменения в характере и формах общественной природы, уникальность механизмов ее интеграции. Результатом подобных поисков становится выявление в социальной природе индивида основного механизма его активности – единства чувств, влечений и потребностей, реализуемых в определенном типе отношений. Запускающим рычагом данного аспекта индивидуальной природы, по мнению Ф. Тенниса, выступает воля – сущностная или избирательная. Соотношение последних и преобладание каждой из них в процессе исторического развития и влияет на установление определенного типа ассоциативности – отношений *Gemeinschaft* или *Gesellschaft*.

⁸ Выражение “естественное” означает, по Ф. Теннису, что семейные отношения в конечном счете подчинены биологическому воспроизводству.

ны не просто кровно-родственными, но, прежде всего, духовными узами. В силу этого жизнь общины уникально организована и упорядочена. Она не требует внешнего контроля или вмешательства со стороны государства. Ф. Теннис различает политические, общественные и хозяйственные формы сообществ. С точки зрения политического господства это иерархические порядки, складывавшиеся в истории преимущественно как патриархат. С общественной точки зрения это объединения на основе общей традиции и общей религии, которая есть выражение неисчерпаемости и неуничтожимости семейной морали, укорененной в биологическом воспроизводстве. С хозяйственной точки зрения речь идет о “коммунизме”, то есть сообществе хозяев и тружеников, не знающем частной собственности. К “коммунистической” модели семьи относится особая антропология, согласно которой человек есть не индивид среди других индивидуумов, имеющий равные с ними права, но индивидуальный носитель социальной роли. Исследователь отмечает: “сообщественная жизнь означает совместное владение и пользование, ... владение и пользование общими благами”. Связь по “полю и двору” обуславливает концентрацию хозяйственной жизни вокруг “очага и стола” [6].

В отличие от *Gemeinschaft* *Gesellschaft* – это целиком искусственное образование – избирательная воля, предназначение которой не в том, чтобы преследовать общие интересы, но удовлетворять частные эгоистические желания тех, кто вступает в такового рода “ассоциации”. Здесь “мышление берет на себя роль господина: оно становится тем богом, который извне сообщает движение косной массе [7, с. 163]. На основании дихотомии “чувства – разум” в анализе природы социальности общности и общества Ф. Теннис и предпринимает попытку компаративного анализа характера и трансформации двух типов социальности.

Gesellschaft – детище эпохи Модерна, где интенсивно развиваются капиталистические отношения, происходит разделение труда, актуализируются процессы индустриализации, возникает бюрократический государственный аппарат, а высшей ценностью становится критический разум. Так, развитие “познающего разума”, как доминирующей характеристики социальности эпохи Модерна, трансформирует ценностные значения, а вслед за этим и характер потребностей индивидов. Чувственное восприятие реальности заменяется рациональным познанием, разделение труда становится все более сложным, доверие, как основание общественных отношений замещается рациональным обменом – наиболее действующим интегрирующим механизмом, общественной ценностью и благом, формирующим всеобщее согласие. В результате, наблюдаются тенденции ослабления социальных связей, индивидуализация стратегий и практик построения биографий. Поле взаимодействия индивидов становится конкурентным, а сферы деятельности и власти четко разграничены. Эта реальность формализованных отношений, базирующихся на связях корыстного обмена, в основании которой лежит противоречащая общественной природе – рациональная суть.

Результатом такой трансформации базовых компонентов природы социальности и становится смена ее форм – с общности на общество. Последнее, в свою очередь, представляет собой “абстрактный разум, – которому по своему понятию причастно всякое разумное существо, – поскольку оно мыслит-

ся как один и тот же и в велении, и в действии... его субъект – познающий объективные отношения, то есть мыслящий в понятиях человек” [7, с. 73]. Опираясь на доминирующие компоненты нового типа социальности – мышление и разум (интеллект), общество приобретает те же характеристики, что и направляющая его избирательная воля – калькулируемость, конкурентность, рациональность. Характерный признак “общественного” состоит в принципах договора и обмена, закладывающих условия формирования “буржуазного” общества, где, следуя логике А. Смита, “каждый человек – купец”, где формируется возможность сравнивать предметы как “товар” (возможность сравнивать выражается в существовании денег как меры обмена). Эти экономические принципы охватывают сферу человеческих отношений, превращающихся в конкурентную среду “субъектов в состоянии конфликта со всеми”. Ф. Теннис применяет здесь трактовку К. Маркса, соответственно теории прибавочной стоимости в его первом томе “Капитала”: владеющий капиталом фабрикант является покупателем и эксплуататором “товара рабочей силы”, такого исключительного товара, который один обладает способностью производить большую стоимость, чем та цена, в какую обходится его содержание и эксплуатация. Купцы как капиталисты (поэтому являются) естественными господами и властителями (общества), которое существует по их воле. Определяя перспективу ситуации современного общества, исследователь исходит из марксистского понятия классов. Именно зарождающиеся классовые противоречия и служат выражением “общественного” неравенства, порождая объективную тенденцию общества к социалистическому преобразованию [6]. Направляемые интересом, и формирующие в качестве идеально-типической модели отношений эпохи модерна целерациональные социальные связи теряют свою изначальную общинную природу.

Несмотря на то, что Ф. Теннис подчеркивает нормативный характер оппозиции *Gemeinschaft* и *Gesellschaft*, придавая им форму идеально-типических конструкций, тем не менее, он настаивает воспринимать *Gemeinschaft* и *Gesellschaft* не только как идеальные типы, но как сменяющие друг друга формы исторической жизни. В исторической реальности всегда существует смешение общинных и общественных отношений. Решающей оказывается доминанта одного из типов в смешанном общественно-историческом отношении, то есть либо преобладание сообщества над обществом, либо преобладание общества над сообществом. Поэтому в конце своей работы он дает набросок теории исторической динамики, описывающий путь от сообщества к обществу: “Все движение может ... быть понято как тенденция от первоначального (простого, семейственного) коммунизма и порожденного им (деревенского и городского) индивидуализма к независимому индивидуализму (больших городов и мирового масштаба) и следующему за ним (государственному и международному) социализму” [6].

Анализируя противоречия, возникающие внутри этоса социальности Модерна – *Gesellschaft* и ностальгируя за теплом человечности *Gemeinschaft*, Ф. Теннис задается вопросом о факторах подобной трансформации, условиях организации и механизмах регуляции, поддержания целостности, порядка организаций. Ответ философ находит в самой природе социальности и аспектах, ее конструирующих. Исследуя традиционную социальность (общин-

ную), где основным объединяющим условием выступают созидательные человеческие чувства – солидарности, доверия, единения, формирующие устойчивые духовные связи, Ф. Теннис выводит механизм ее организации. Объективируясь в общественных отношениях посредством традиционных условий регламентации порядка, ориентированных на силу авторитетов (традиции, веры, духа), благожелательность и соучастие, и подкрепляясь длительным и замкнутым характером совместного проживания, эти созидательные установки трансформируются в *условие общественной интегрированности – консенсус (consensus)*, обеспечивающий взаимонаправленность социальных связей. Этот духовный скреп пронизывает всю систему общественных отношений, формируя определенную преемственность, в которой общность крови трансформируется в общность места, и далее в общность духа. Так возникает наивысшая форма человеческой общности, связанная духом причастности общинной культуры в пространстве, времени и культуре – единство душ, воля, мировоззрений. Поэтому, невзирая на форму общественных отношений (семья, трудовое товарищество, деревня, дом, церковь), это духовное единение выступает основным условием их развития, предохраняя разрыв природных органических связей. И даже если такой момент наступает, он сохраняет и интегрирует репрезентативные части целого в единстве, за счет культурной преемственности и сохранения духовных связей. Такое сохранение и развитие последних, обеспечивает общности самовоспроизводство и самоинтегрированность существования.

Влияние культурной традиции со всем ее багажом социальных знаний, направленных на сохранение, развитие и трансляцию социального опыта соучастия, естественную репродукцию социальности, обрывается в ходе исторического прогресса, когда развитый на основе памяти разум начинает преобладать над чувствами (духом общности). Развитие интеллекта, в основании которого лежит не общее благо и консенсус, а личный интерес, стимулирует возникновение новой формы социальности – общества *Gesellschaft*, где интеллектуальное «мышление берет на себя роль господина: оно становится тем богом, который извне сообщает движение косной массе [7, с. 163]. Развитие «познающего разума», как идола эпохи современности, изменяет характер потребностей и ценностей людей. Интуитивное познание реальности заменяется рациональным, разделение труда становится все более сложным, доверие, как основание общественных отношений замещается прагматичным обменом. В результате, тенденция к индивидуализации, как проявлению эгоистичных потребительских мотивов человека, возрастает, ослабляя духовные связи с окружающим миром. «Подобно тому, как индивидуальная сущностная воля порождает непосредственно сам процесс мышления и избирательную волю, каковая стремится подавить первую, сделав ее от себя зависимой, – так у исторических народов мы наблюдаем процесс развития общества и общественных образований с помощью избирательной воли из первоначальных форм жизни и индивидуальных волевых образов: *из культуры народности – в цивилизацию государственности*» [8, с. 243].

Исследователь акцентирует внимание на этом переходе, как смене условий поддержания традиционной социальности и формированию цивилизованных социальных отношений, прописывая логику его развития: в рамках

культурной традиции народ создает дома, селения, далее – города, страны. Затем, в этой среде появляются сильные своевольные фигуры (князья, феодалы, цари, служители культа), которые на первых порах экономически и социально зависимы от общины, то есть воли народа. Однако их могущество закрепляется в процессе формирования нации в экономическом господстве, завоеванном крупными торговцами, подчиняющими себе рабочую силу нации. Причем наивысшей из этих форм господства, по мнению Ф. Тенниса, является планомерное капиталистическое производство, или крупная промышленность. Поэтому условия национального единения закладываются в рамках капиталистического производства, основной силой которого является рационализированный торговый класс, цивилизованный по своей природе. А вслед за ним все более цивилизованными, то есть общественными становятся и все другие сословия, и весь народ, изменение чьего социального статуса делает его лихорадочным и непостоянным.

Параллельно изменениям в социальном порядке происходит постепенное цивилизационное преобразование права: чистый контракт становится основой всей системы, а государственная воля все больше освобождается от традиции и веры относительно ее основополагающей роли. Таким образом, право, в конце концов, опирается не на нравы и является правом естественным, а только на закон, и становится уже продуктом политики. Теперь в качестве действующих единиц существуют лишь государство с его институтами и индивиды – вместо естественно образовавшихся товариществ, общин и этнических сообществ. И так же как эти сообщества определяли характер людей, так теперь меняется и он, приспосабливаясь к новым произвольным правовым установлениям и теряя ту опору, которая ранее покоилась на нравах и на убеждениях в том, что они незыблемы.

Под влиянием этих изменений качественно меняется духовная жизнь. Теперь она целиком рационализируется. “Прежде человек верил в незримые существа, духов и богов, теперь он обратился к познанию видимой природы. Религия, произрастающая из глубин народной жизни, уступает место науке, берущей свое начало из глубины разумно осознанного. Религия непосредственна и по своей сущности моральна, поскольку она глубочайшим образом соотносится с теми телесно-душевыми узлами, которые связывают целые поколения людей. Наука же получает свое моральное обоснование лишь через наблюдение законов человеческого общежития, пытаясь вывести отсюда правила его произвольного и разумного порядка. И способ мышления отдельных людей постепенно все менее определяется религией, все более – наукой” [8, с. 244].

Итак, ход рассуждений исследователя заключается в описании момента подмены авторитета культурной традиции доминированием цивилизации⁹,

⁹ Несмотря на общую интеллектуальную эйфорию эпохи Нового времени, кризис прогрессистских иллюзий начался вместе с их активной пропагандой. Богатый этноисторический материал, полученный в “эпоху путешествий”, обнаруживший разнообразие культурных традиций вне Европы, уже в конце XVIII – начале XIX в. стимулирует исследовательскую потребность в разграничении феноменов культуры и цивилизации. Тот факт, что цели их развития кардинально отличны, становится очевиден, и именно это заставляет исследователей вновь и вновь возвращаться к проблеме. Поэтому уже к концу XIX в. формируется традиция противопоставления культуры и цивилизации, как сфер

живой природы общинных связей, унифицированной рациональной системой капиталистического производства, рационально-правовых отношений, принуждения государственной власти и науки. В этих условиях и искажается значение и роль фундаментальных установок человеческой жизни – любви, доверия, свободы, творчества, культурного развития, изменяется вектор социального развития.

Исследуемая пара категорий Ф. Тенниса сыграла ведущую роль в развитии социальной философии XX в. По сути, закладывалась новая методологическая парадигма, направленная на анализ природы социальности в ее индивидуальном и социальном срезах вне влияния политического контекста. Более того, на первый план в исследовании феномена выходит социокультурный аспект социальности, разоблачающий политичность аристотелевского гражданина. В дальнейшем такой методологический шаг закладывает богатое исследовательское поле анализа проблематики социальной сплоченности, порядка. Так, в рамках работы Э. Дюркгейма “О разделении общественного труда”, заявленная проблема трансформируется в отношения двух типов социальной солидарности – “механической” (архаичной), сохраняющейся в условиях общинных отношений, и “органической”, характеризующей жизнь в городских агломерациях по типу *Gesellschaft*. И хотя Э. Дюркгейм не считал, что эти два типа солидарности совершенно исключают друг друга, его так же, как и Ф. Тенниса, беспокоили крайности современного индивидуализма, грозящие “аномией” – социальным беспорядком, вызванным полной утратой способности к сотрудничеству ради общего блага. Позднее к данной методологической линии присоединились Ф. фон Хайек со своей теорией современного социального развития в смысле развития к “extended order” и К. Поппер с различием “открытого” и “закрытого общества”. В этом же интеллектуальном поле проходит концептуализация Ю. Хабермасом историко-философской модели нововременного системного поворота.

Несмотря на многочисленные коннотации полиспектральности социального в социально-философской традиции Модерна, области социального и коммунального остаются все еще практически тождественными. В этой связи, анализируя трансформацию современной социальной мысли, Р. Нисбет отмечает: “Социология больше, чем какая-либо другая научная дисциплина в [двадцатом] веке, оказывала предпочтение понятию социального. Однако здесь важно подчеркнуть, что почти всегда референтом социального было коммунальное. *Communitas*, а не *societas* с его безличными коннотациями, является этимологическим источником употребления слова “социальный” в социологических исследованиях личностных свойств (*personality*), родства, экономики и общественного устройства (*polity*)” [9, с. 56]. Другими словами, исследовательским контекстом концептуализации феномена общества в эпоху Модерна выступает не столько необходимость анализа его природы и проис-

духовного и материального. За культурой закрепляется сфера духовных ценностей (Г. Риккерт и В. Виндельбандт, В. Дильтей, О. Шпенглер, П. Сорокин, Н. Бердяев), а за цивилизацией – материальных, технических (А. Вебер, Э. Шпрангер, М. Шелер). Особенно отчетливо данная традиция закрепила в научном дискурсе после выхода работы немецкого культуролога А. Вебера “Избранное: кризис европейской культуры”.

хождения, сколько поиск ответов на вызов времени: “Как возможно общество в условиях дисфункциональности, кризиса? Как возможно совместное сосуществование, развитие коллективности, достижение и сохранение социальной целостности, какие скрепы обеспечивают функциональность социального”. Эти вопросы актуализируются на фоне возрастающих угроз “ближним” человеческим связям и возрастания роли “дальних” областей – рыночной экономики, государства и научно-технической цивилизации, в рамках которых, по мнению В. Беккера, “хозяйственная судьба человека с тех пор, как сам он превратился в объект рыночного процесса, стала в большей мере зависеть от движения цен, в своей анонимности регулирующего рынок, нежели от труда его собственных рук... Мы стремимся к гармонии, даже если обязаны испытывать на себе противоречие нашей социальной природы, то есть противоречие между “сообщественным” и “общественным” элементами. Тоска по гармонии всегда означает однако тоску по доминированию общественного над общественным” [6].

Заключение

Методология рационализма, воссоздавшая идею сверхтрагматичности (или сверхинструментальности) человеческих мотивов в социальных отношениях, обнажила природу общинной целостности. Мыслить сообщество (отличая его от общества), искать невидимые скрепы социальности, стало реальной необходимостью в той мере, в какой исследователь осознал, что в человеческих взаимодействиях присутствует “что-то большее”, сакральное, чем стяжание личной выгоды, эгоистических интересов. Становится очевидно, что личные корыстные интересы не способны решить вопрос интегрированности разрозненных индивидуалистов в общее целое, а дух народа, формирующий природу, суть социальности – феномен требующий качественного анализа. Пользуясь языком И. Канта, сложилась ситуация, когда общность можно было бы считать трансцендентальным условием представлений об обществе как о целом. Однако сложность состояла в том, что в социальных теориях условие таких представлений было часто неотделимо от их содержания¹.

Таким образом, анализ природы социального, необходимость концептуализации феномена общности становится в одно и то же время следствием кризиса современного общества² и условием его преодоления. В этих усло-

¹ Долгое время не было актуальной необходимости исследовать различия между общностью и обществом. Вплоть до рубежа XIX–XX вв. эти понятия использовались как синонимы. В этой связи Дж. Деланти отмечает: “Для мысли раннего модерна понятия “сообщество” и “общество” были фактически взаимозаменяемыми: сообщество обозначало социальную область “жизненного мира”, мир повседневной жизни ... Эта взаимозаменяемость может быть видна в идее гражданского общества. До конца XIX в., по утверждению Дюркгейма, не было ясного определения социального как реальности *sui generis*. Под обществом понимались гражданские узы, которые могли отсылать к экономическим отношениям в противоположность политическим. Гражданское общество могло быть также выражено в терминах общности или сообщества (*community*). Сообщество, таким образом, не обозначало просто традицию, но социальные связи, подобные тем, что образуются внутри общества с рыночными отношениями или благодаря буржуазной культуре” [10, с. 2].

² Речь о кризисе рационального сознания модерна, о чем в частности пишет Ф. Анкерсмит [11].

виях общность (сообщество) приобретает статус феномена, чьи потенциальные возможности оцениваются достаточно высоко в решении вопроса социального порядка, целостности. Другими словами, возрастание интереса к концептуализации феномена общности, поиск интеграционных механизмов природы социального в условиях распада традиционного порядка, становится ответом на кризис рационального проекта социальности эпохи Модерна.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Online etymology dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.etymonline.com/index.php/> – Дата доступа: 13.03.2015.
2. **Riedel, M.** Gesellschaft, Gemeinschaft // O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck (Hrsg.) *Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politischsozialen Sprache in Deutschland*, Stuttgart 1975. Bd. 2. S. 801–862
3. **Шпет, Г.** Введение в этническую психологию / Г. Шпет. – Санкт-Петербург : Издательский дом “П. Э. Т.”, 1996.
4. Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи : в 2 т. / пер. с немецкого К. Левинсон ; сост.: Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле ; научн. ред. Перевода Ю. Арнаутова. – Москва : Новое литературное обозрение, 2014.
5. **Bennet, M.** Berger “Disenchanted the Concept of Community” / M. Bennet // *Society* 25 (1988): 324–327, at P. 324.
6. **Вернер, Беккер.** Сообщество и общество. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/iphras/library/ruspaper/BECKER1.htm/> – Дата доступа: 21.12.2014.
7. **Теннис, Ф.** Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Ф. Теннис. – СПб. : Изд-во “Владимир Даль”, 2002.
8. **Tonnies, F.** *Community and Society* : Translated and edited by C. Loomis / F. Tonnies. – New York, 1957.
9. **Robert, Nisbet.** *The Sociological Tradition* / Nisbet Robert. – London : Heinemann, 1967.
10. **Gerard, Delanty.** *Community* : 2nd edition (Key Ideas) / Delanty Gerard. London : Routledge, 2010.
11. **Франклин, Р.** Возвышенный исторический опыт / Р. Франклин ; пер. с англ. И. В. Борисовой, Е. Э. Ляминой, М. С. Неклюдовой, А. А. Олейникова. – Москва : Европа, 2007.

Поступила в редакцию 14.07.2015 г.

Контакты: brodezka_julij@mail.ru (Бродецкая Юлия Юрьевна)

Brodetskaya Y.Y. FROM SOCIETAS CIVILAS TO COMMUNITY: SOCIALITY DETECTION.

The article deals with the analysis of the ontological status of sociality, the conditions of its detection and conceptualization in the social and philosophical context of the modernity. The formation of sociality discourse in political philosophy demonstrates the discrepancy of the theoretical base and social reality, in which the nature of sociality remains unexplored. The focus of the study is transferred to the comparative analysis of the traditional and modern sociality, their potential, characteristics and perspectives in the solution of the problems of social integrity.

Key words: sociality, social integrity, community, society, social relations.